Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за рабочее дело будь готов!

Пионерская правда

Цена номера 3 коп.

ОРГАН
ЦК и МК ВЛКСМ

1 мая 1936 г., пятница
№ 59 (1701)

Все для нас—дворцы, театры, скверы, реки и чудесный май
Вырастайте, наши пионеры, сталинская смена, вырастай!

ВЕСЕЛЫЙ ПЕРВОМАЙ

Слышите, ребята, звуки оркестра, бодрые шаги тысяч? Это идут на первомайскую демонстрацию наши отцы и матери. Пойдем и мы с ними! Мы тоже хотим быть в первомайских колоннах.

Давайте запоем наши веселые пионерские песни. И громче всех запоем мы первую песню, песню в честь того, кто нам завоевал эту радость,— в честь нашего родного и любимого *Сталина*.

По местам, музыканты! Вперед, знаменосцы и барабанщики! Мы знаем: нет ни одной страны в мире, где бы детям жилось так хорошо, так интересно и радостно, как в нашей. Только у нас строят детям клубы и школы, стадионы и дворцы. Только у нас дети имеют все возможности, чтобы хорошо учиться, чтобы вырасти культурными и передовыми людьми социалистического общества. И все это потому, что о нас заботятся наша партия, наш *Сталин*.

Мы знаем: только советские ребята так свободны и веселы в первомайский день. Там, за границами Советского Союза, в фашистских странах, дети трудящихся голодны, раздеты, лишены жилья и школы. Они сегодня вместе со своими старшими тоже выйдут на улицы. Их ждут плеть, расправа, тюрьма. Но они будут бороться за такую же светлую жизнь, какую имеем мы в СССР, жизнь, завоеванную нашими отцами.

Так выше знамена, громче песни! Мы клянемся тебе, партия, и тебе, любимый *Сталин*,— отличной учебой отплатить за все то, что мы, дети, имеем в нашей великой стране! Мы будем учиться сегодня лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. Мы будем учиться так, чтобы *Сталин* сказал: отлично, ребята!

Громче песни, шире шаг! Дружно грянем:

— Спасибо товарищу *Сталину* за счастливое, радостное детство!

КРАСНЫЙ ПАРАД

Качаются стяги,
Колонны идут,
Колонны шагают
И песни поют.
Идут демонстранты,
И трубы гремят,
На площади Красной
Мы смотрим парад.
Вот Ворошилов
На сером коне.
Колонны шагают,
Точно в огне.
Солнышко, солнце,
Свети горячей!
Смотри, как ликуют
Сердца у людей!
И люди с восторгом,
Ликуя, глядят
Своей Красной Армии
Красный парад.
Шагайте смелее,
Танкисты, пилоты!
Заложим по ленте
В свои пулеметы!
Плотнее колонны,
Смыкайте штыки —
Краснознаменные
Большевики!

Деткор Игорь ЕЛАБУЖАНИН.
Ленинградская область,
поселок Ольгино.

ЧАСЫ

ФЕЛЬЕТОН

Пионер Яша Килькин, он же Джек Железная Челюсть, проснулся и удивленно прислушался. Странная тишина стояла в квартире. «Неужели все еще спят?» Джек вскочил с постели и обошел комнаты. Все спали: и папа, и мама, и брат, и сестра. На столе лежала записка: «Не забудьте— утром я иду на демонстрацию. Приготовьте чай. Джек».

— О, негодяи!—зарычал Джек.—Спят, а ведь сами знают, что я тороплюсь!

Он бросил взгляд на часы. «Без трех минут девять!» Сбор на демонстрацию—в половине девятого. Ровно в девять колонна выступает.

— Вперед, Джек!—воскликнул Яша и ринулся вниз по лестнице. В подъезде он натолкнулся на дворника.

— Куда, Яша?—ласково спросил дворник.

— Посторонись, — воскликнул храбрый Джек,—я спешу на демонстрацию.

Тут дворник, ни слова не говоря, взял яшину руку и внимательно ее разглядел.

Рука была черно-бурого цвета, с лиловыми и зелеными крапинками. Кое-где эта корка треснула и под ней розовела кожа— обыкновенная человеческая, как на всякой руке.

— Ты болен, Яша!—с испугом воскликнул дворник.—Что у тебя с руками? Тебе нельзя на демонстрацию.

— Это грязь!—взревел Яша.—Дай дорогу!

Но дворник решительно встал в дверях. Спорить с этим грубым, нечутким человеком было бесполезно. Джек махнул рукой и помчался обратно—мыть руки.

Через мгновение он уже снова был на улице. Трамваи не ходили. До школы было по меньшей мере двадцать минут ходьбы. Мимо Яши проехал автомобиль. Мгновение—и Джек вскочил на подножку:

— Благородные путешественники, довезите до школы!

Шофер выглянул из окошка и затормозил.

— С восторгом, отважный прыгун. Но сначала бегите к маме и скажите, чтобы она зашила вам брюки. В рваных брюках неудобно являться в школу.

— Эти брюки порваны в бою с соседской собакой! Это—почетный боевой знак, в роде шрама. Их нельзя зашивать!

— Значит, и в школу нельзя,—хладнокровно возразил шофер. Он вежливенько снял Яшу с подножки и дал газ.

Тогда Джек побежал. Он мчался, как индейская стрела над беспредельными пампасами, как уссурийский тигр, завидевший добычу, как страус, проглотивший ежа.

У дверей школы не было ни души.

«Они спрятались от меня внутри!»—решил сообразительный Джек и ткнулся в дверь. Но она не поддавалась. Он взобрался на оконный карниз. Окно было заперто, но его можно было открыть, просунув руку в форточку.

— Стой! Держи вора!—раздался чей-то голос, и завыл милицейский свисток.

Страх прокрался в душу неустрашимого Джека. Он соскочил с окна и опрометью бросился бежать...

Лишь вбежав к себе в комнату, Яша опамятовался. Его не догнали, он в безопасности. «Но демонстрация?.. Ребята, наверно, уже вышли из школы, поют песню, а наглый Петька, счастливый и самоуверенный, несет отрядное знамя?!»

Яша взглянул на часы. Без трех минут девять... И тут он понял все.

Часы стояли.

Через три часа ребята собрались у школы и, не веря глазам, рассматривали Яшу: Железная Челюсть пришел раньше всех, руки у него были чисто вымыты и на штанах сверкала новенькая заплата.

МИХА.

НА УРОКИ...

Фотоэтюд В. СМИРНОВА

Пионеры и школьники! Овладевайте основами наук!

Укрепляйте дисциплину в школе!

Будьте готовы продолжать и завершить великое дело Ленина!

МОЙ МАЙ

Я люблю первые весенние дни, но особенно я люблю май. Его первый, веселый, полный радости, звонкий, кричащий от счастья день. Мой май!

С толпой моих товарищей, с Ирой и Шурой — моими подругами — в строю тридцатитысячного хора мы идем по улицам нарядного города. Пестрые толпы народа, яркие плакаты, портреты руководителей партии и правительства — так встречают нас улицы. Город наряден по-праздничному, и люди нарядно одеты.

Я и мои подруги тоже нарядны. К маю нам всем наши родители подарили новые костюмы. Мы шагаем с песней. В шелковых кофточках, в новых юбках и туфлях так приятно встретить праздник!

Галя Красильникова.

С цветами мы идем по улицам, мы смеемся, у всех горят глаза от счастья. Нам весело! Веселый месяц май! Наш май!

Мы поем самую веселую песню. И с нами поют все. Все ликуют и поют:

«Шагай вперед, пионерское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели,
Мы покоряем пространство и время,
Мы молодые хозяева земли».

Взрослые тоже поют.

Вместе с нами, пионерами, они рады, они счастливы, они молоды.

Да и как не радоваться — на заводе, в Ярославле, пишет папа, перевыполнили программу. Там тоже празднуют. А у нас в школе что делается! Все мои подруги — Шура Долбилкина, Ира Пронина получили отличные отметки. Да и все почти ребята к маю пришли с хорошими результатами. А у меня все, все отметки отличные. Это я постаралась к с'езду комсомола и к маю.

Вот почему нам всем так легко и радостно в этот счастливый праздник.

Наш май!

В этот теплый день все ликует и поет. И даже яркое солнце, кажется, улыбается нам с безоблачного неба. Поют люди, поют оркестры, поют радиорупоры на стенах домов, поют улицы, поет вся страна.

Мы подымаемся на Красную площадь. Здесь масса знамен слилась в одно громадное алое полотнище, которое несет вся страна. Оно тянется туда, к мавзолею, где стоит великий Сталин, к тому, который дал нам счастье и радость. И вот уже виден мавзолей и на нем—среди членов правительства СТАЛИН.

Лица у них такие же счастливые, как у нас у всех. И руки подняты. Они приветствуют нас.

В ответ мы поднимаем свои букеты, яркие шары и плакаты и в один голос кричим. Что кричим—понять трудно. Но все это сливается в один мощный, полный торжества возглас.

И Сталин улыбается нам и кричит вместе со всеми. А над площадью, над нами реют самолеты. Грозным гулом они оповещают нас, что мы спокойно можем веселиться. Никто не помешает нашему празднику. Никто не омрачит его.

Май наш!

Далеко уже Красная площадь. Но праздничны, одинаково праздничны все улицы и люди.

— Вечером пойдем смотреть город, — говорит Ира.

— Когда зажгутся огни, будет еще красивее, — подхватывает Шура.

Вечером завертятся электрические мельницы, загорятся колоссальные макеты метро, кораблей и комбайнов. Это то, что сделано нашими отцами.

Ирин папа строит железные дороги, мой папа делает искусственный каучук, шурина мама — книжки для строителей. А мы учимся. Учимся для того, чтобы уметь строить, писать, водить машины. Мы хорошо учимся и в праве веселиться в наш праздник.

— Завтра я поеду в дом отдыха с папой,—продолжает Ира.—Там весело будет.

— А мы с Галей пойдем в гости к девочкам, а потом в кино,—сообщает Шура.

Обнявшись, с песней мы шагаем дальше.

Вот я подхожу к дому, а во дворе у нас малыши с крохотными красными флажками изображают демонстрацию.

«Да здравствует Первое Мая — праздник труда и падения оков!..» — поют малыши.

Один говорит:

— Пошли на Красную площадь. — И направляется в скверик.

«Подождите,—думаю я,—подрастете—пойдете впереди нас на настоящую Красную площадь!» А сегодня мы шли впереди взрослых. И я кричу им:

— Да здравствует Первое Мая!

В коридоре я подхватываю выбежавшую навстречу мне сестренку Лилю и кружусь с ней. А потом мы мчимся в комнату. Оттуда так вкусно пахнет! Стол уже накрыт. Нас ждут обедать.

Ура румяному, жареному гусю, сочным яблокам и сладким пирогам!

Сегодня—веселый, безоблачный праздник, а завтра — упорная учеба и здоровый отдых и лагеря!

Привет безоблачному нашему счастью!
Привет тому, кто нам дал счастливое детство!
Привет веселому, звонкому маю!
Звени, мой май!

ГАЛЯ КРАСИЛЬНИКОВА.
Москва, Ростокинский район, 38-я школа, 7-й (2-й) класс.

ОБЕЩАЕМ ПАРТИИ И КОМСОМОЛУ ОТЛИЧНО УЧИТЬСЯ!

Мы встретились с ними во дворе школы, у зеленеющего газона. Они стояли перед нами радостные, в ярких, легких костюмах.

— Вам весело, ребята?

Перебивая друг друга, ребята спешили высказать свое счастье, которое принес им праздник Первое мая.

— Мой папа работает в Сочи,—рассказывает **Тамара Метелева.**

Вчера мама получила от папы посылку и письмо:

— Это первомайский сюрприз от папы. Какой? Об этом ты, дочка, узнаешь, когда возвратишься из школы.

Вечером я узнала: папа прислал мне полное собрание сочинений Льва Толстого в роскошном переплете.

— Только сегодня утром, — вставляет **Вова Годин,** — родители привезли мне из магазина велосипед. Мне очень хотелось иметь такой велосипед. В майские дни я буду учиться ездить на велосипеде.

— А у меня,—вмешивается **Алеша Татарников,**—велосипед уже несколько лет. Я хорошо умею на нем ездить. Первого мая я буду на демонстрации, а второго мая с товарищами поеду по всем площадям и улицам столицы. Я увижу, какими нарядами встретила Москва Первый май.

— Конечно, самой большой праздничной радостью, — говорит **Нина Мухар,** — для меня и моих родителей явились отметки «отлично» и «хорошо», которые на-днях я получила в школе.

К празднику мой папа купил новый радиоприемник «СИ-235», он принимает все станции Советского Союза и заграницу. В майские дни я буду слушать музыку и пение. С подругами пойду смотреть иллюминацию на Москва-реке.

— В этот май я, наверное, опять пойду на парад, — с гордостью произносит перед другими ребятами **Леша Шавров.**

Мы задали ребятам второй вопрос:

— Кончится праздник, что вы будете делать завтра? Как вы откликаетесь на решения с'езда комсомола о школе?

— Мы будем еще лучше учиться,—таков был ответ всех ребят.

Я ОТЛИЧНИЦА УЧЕБЫ

— говорит Тамара Метелева, ученица 7-го класса «Б» 6-й школы Советского района. — По всем предметам у меня отметки «отлично». Задача учиться хорошо для меня уже решена. Но я — пионерка. Скоро я вступлю в члены комсомола.

А я знаю, что сказал X с'езд о комсомольцах и пионерах в школе: **они должны показывать образец отличной учебы и должны стать организаторами социалистического соревнования в школе.**

Что я для этого делаю?

В своем классе я помогаю отстающим ребятам по географии и истории. По русскому языку я помогла Вале Алексеевой. Миша Генский отставал по многим предметам, а сейчас получил два «хорошо».

Со мной соревнуется Нерон Горностаев. У меня все — «отлично», а у него еще 4 «хорошо», он хочет меня догнать.

САМОЙ БОЛЬШОЙ ЗАБОТОЙ

у меня, — заявляет **Вова Годин,** ученик 7-го класса «В» той же школы,—это сделать так, чтобы все ребята моего отряда учились на «отлично». У нас в отряде много отстающих по русскому языку. Мы стараемся им помочь. Недавно на сборе отряда Таня Енкелевич рассказывала нам о своей учебе,—у ней плохо дело с русским письменным. Успевающие в учебе ребята предложили ей свою помощь, но Таня отказалась и дала слово отряду, что она сама подтянется.

Свои слова Таня выполняет — отметка по русскому языку улучшена. Между звеньями у нас идет соревнование на лучшее окончание учебного года.

Ребята-отличники приглашают к себе на дом отстающих. Ося Майский не успевает по алгебре, ему помогает Вова Булин.

МОЕ ЗВЕНО ДРУЖНОЕ

— сказала **Нина Мухар,** ученица 8-го класса 6-й школы Советского района.

В звене 10 человек. Учимся неплохо. Но все-таки имеется пять плохих отметок. Когда меня спрашивают, что делать завтра, я всегда думаю о том, как бы поскорее покончить с плохими отметками. После X с'езда наш комсорг Григорий Александрович раз'яснил нам, что теперь каждое звено должно отвечать за своих пионеров в учебе. Сейчас наше звено соревнуется со вторым звеном 235-го отряда. У них четыре «плохо», у нас—пять. Кто скорее ликвидирует плохие отметки, тот победит. Сама я являюсь средней ученицей. У меня есть два «отлично», есть хорошие отметки и два «посредственно». Перед звеном я обязалась, что к испытаниям у меня будет шесть «отлично» и ни одного «посредственно».

Я КЛАССНЫЙ ОРГАНИЗАТОР

— В нашем 7-м классе,—рассказывает **Геня Прохоров,** ученик 17-й школы Советского района, — 40 учеников. Я учусь в классе на «отлично». Я много забочусь о том, чтобы в нашем классе было больше порядка. Вы понимаете, ребята у нас хорошие, но недисциплинированные. Почти каждый день за дисциплину нам ставят «плохо». Недисциплинированность сводит на-нет все наши достижения в учебе — это позор для класса. Недавно мы читали постановление X с'езда комсомола о школе. Мы решили: в классе во время уроков должна быть тишина.

БУДУ УЧИТЬСЯ ХОРОШО

— Я встречаю май радостно, но одно омрачает мне мое настроение,—это то, что учусь я неважно,—сокрушенно и смущенно говорит **Леша Шавров,**—по русскому языку у меня «плохо», много грамматических ошибок. Вместо слова «конь» у меня получается «кон», вместо слова «станция» выходит «стунция». Все ребята сейчас стремятся получить только хорошие и отличные отметки. И вот я заявляю, что я приложу все свои усилия и умение к тому, чтобы к испытаниям заменить по русскому языку отметку «плохо» отметкой «хорошо».

На этом снимке московские школьники—пионеры 6-й и 17-й школ Советского района. Слева направо: АЛИК ТАТАРНИКОВ, ВОВА ГОДИН, ТАМАРА МЕТЕЛЕВА, НИНА МУХАР, ЛЕША ШАВРОВ и ГЕНЯ ПРОХОРОВ. — Как вы, ребята, проведете праздник Первого Мая? — спросили мы у них. О том, что ответили ребята, мы рассказали на этой странице.

Фото В. ШАМРАЕВСКОГО

Четыре дня на Лимане

ПОМНИТЕ НАШЕ ПИСЬМО, РЕБЯТА?

Это было 20 марта, когда весна еще только вступала в свои права. Юные натуралисты строили скворечни, наблюдали за снеговым покровом и с нетерпением ожидали прилета птиц.

В этот день в «Пионерской правде» было напечатано наше письмо. Мы, юные натуралисты Харьковского дворца пионеров и октябрят имени Постышева, обратились ко всем ребятам с призывом — весело и бодро встретить весну.

Вы, конечно, помните наши обещания и предложения.

Весна наступила. На деревьях появились почки, прилетели птицы, зажурчали ручьи, машины выехали на широкие колхозные поля.

Мы взялись за работу и хорошо встретили весну. Обещания наши выполнены. Особенно интересно прошла наша экскурсия в Змиевский район Харьковской области, на Лиман. Эту экскурсию мы провели под руководством профессора Маркова. Наша цель была — изучить прилет весенних водоплавающих птиц, ознакомиться с весенней флорой водоемов.

Экскурсия была замечательная. Мы провели на Лимане 4 дня, и дневники ребят заполнились живыми зарисовками, интересными наблюдениями.

Впереди у нас еще много экскурсий и наблюдений. О них мы еще расскажем.

А сегодня мы хотим поделиться с вами своими впечатлениями об экскурсии на Лиман.

Руководитель лаборатории юннатов Харьковского дворца КИРИЧЕНКО.

МЫ НАБЛЮДАЛИ МНОЖЕСТВО ПТИЦ

ДУЛ ВЕТЕР, по воде шли белые барашки, и волны вздымались на озере. Это было в день нашего приезда. Профессор Марков сказал нам, что на Лимане такая вода бывает лишь при ветре в 7—8 баллов.

Лиман—это место, где весной собирается множество водоплавающей птицы.

Мы видели там огромные утиные стаи — по 100—200 уток. Встретили множество гусей. Лебеди плавали по воде. Чайки реяли над озером. А в камышах скрывались чирки-трескуны, свиязи, крохали, нерезни.

Это было замечательное зрелище! Четыре дня наблюдали мы за птицами, следили, как они плавают, как кормятся, каким строем летают. Мы пробирались по Лиману на лодках и без конца записывали и рисовали.

Завидя нас, испуганные птицы с криком взлетали вверх. Вот вереницей поднялись гуси, вот пролетела над головами пара гоголей, с криком скрылись в камышах чирки.

Мы обошли берега Лимана. В прибрежных зарослях проворно бегали тростниковые овсянки, жаворонки неподвижно висели в голубом небе и пели свои прекрасные песни. Запрокинув голову, мы подолгу слушали жаворонков, наблюдали за тем, как, несмотря на ветер, они держались на месте, а закончив песню, камнем летели вниз.

Мы видели стаю кроншнепов и массу белых трясогузок. Нашли место кормежки серого сорокопута: это был куст, на колючку которого был наколот щегол. Видели мы и самого сорокопута.

Перед самым от'ездом встретили в поле каменку. А около села, в подлеске, видели стаи реполовов. Самцы уже были в весеннем наряде и распевали песни. На озере Боровом, в выжженных камышах, заметили серую цаплю, а в небе парил белохвост.

Мы привезли с собой много интересных наблюдений и замечательных зарисовок. Мы многому научились.

ВОВА МАРКЕВИЧ (36-я школа),
СЕРЕЖА САЕНКО (17-я школа).

Во дворце младшие ребята устроили уголок природы. На снимке: пионеры ВЕНГЕРОВ, ШЕНДЕРОВИЧ и ФЕДОТОВ у своего уголка.

ПОЯВИЛИСЬ ЛЯГУШКИ-ЖЕРЛЯНКИ

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ нашей экскурсии мы заметили лягушек-жерлянок. Нам удалось наловить их около двадцати.

А на следующий день наступило резкое похолодание, и, несмотря на все старания, мы не обнаружили ни одной лягушки. Зато мы собрали точные сведения о времени их появления. Оказалось, что впервые их видели 22 марта, а несколько из них было найдено 19 марта при вскапывании огородов.

Профессор Марков провел с нами специальную беседу о времени и условиях появления и размножения различных видов лягушек.

Пойманных лягушек мы поместили в наш дворцовый террариум.

НИК.

ЛИМАНСКИЕ ПИОНЕРЫ ТОЖЕ СТАНУТ ЮННАТАМИ

КАК ТОЛЬКО мы приехали на Лиман, первым делом отправились в здешнюю школу — познакомиться с колхозными ребятами.

Мы очень с ними подружились. Рассказали им о том, что мы—юннаты из Харьковского дворца пионеров — приехали наблюдать за природой.

Оказалось, что в Лиманской неполной средней школе тоже есть много ребят, которые интересуются изучением природы, но работать они не умеют. Пробовали организовать юннатский кружок, но дело ладилось слабо.

Решили было сперва готовиться к встрече птиц, но до конца дело не довели.

Мы об'яснили лиманским ребятам, что должны делать натуралисты, научили их делать записи и наблюдения. Они очень заинтересовались работой юннатов.

На прощание они обещали нам организовать настоящий кружок юных натуралистов и систематически наблюдать за природой Лимана. Еще они обещали хорошо встретить птиц.

Мы условились, что свои наблюдения они будут присылать к нам во дворец. Отдельные ребята обменялись адресами, чтобы переписываться.

ВИТЯ НИКИФОРОВ (15-я школа).

А юннаты ЧАПЛИНСКИЙ и РУМЯНЦЕВ — юные мичуринцы. Они рассматривают черенки черной смородины, которая уже дала листочки.

НА КОЛХОЗНОМ ПОЛЕ

НАШ ЛАГЕРЬ расположился в колхозе имени Шевченко. Поэтому мы были на полях колхоза, видели, как идет работа по весеннему севу.

Первые бригады выехали в поле еще 23 марта. Мы видели работу тракторов, сеялок, боронование. Колхозники об'ясняли нам устройство машин, рассказывали о том, как колхоз борется за урожай. Наши фотолюбители сняли работу в поле.

Когда мы возвратились в Харьков, мы рассказали всем ребятам о своей экскурсии и о том, что видели в колхозе.

ЮРА МАТВЕЕВ (62-я школа).

Юннаты ШКАБУХА и ГОНЧАРЕНКО с увлечением делают чучела весенних птиц.

ПОЗДРАВЛЯЮ!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

КАК ПРОБУЖДАЕТСЯ ПРИРОДА

Из дневника харьковских юннатов

1 апреля. Погода солнечная. Ветра нет. Появились мухи, цветы — подснежники, распустилась верба.

2 апреля. Погода солнечная. Ветрено. Днем образовалось множество прохладных теней.

4 апреля. Солнце не показывалось весь день. Лил дождь и прекратился только к вечеру.

Юннат *МЕТЕЛИЦА.*

5 апреля. В вороньих гнездах уже кричат малыши. Скоро появятся детеныши сов и соколов. На солнцепеке греются гадюки. Пышно расцвела хохлатка, распустился берест.

Юннаты *БУДЕНКО и ТАЦИЙ.*

5 апреля. Появились бабочки: павлиний глаз и лимонница. Начали кричать жерлянки. Проснулись ящерицы. Появились летучие мыши. Прилетели мухоловки. Набухли бутоны фиалок.

Юннаты *САЕНКО и НИКИФОРОВ.*

ВЕСНА ВЕЗДЕ, ГДЕ ТОЛЬКО ИМЯ СТАЛИНА!

СКРИПКА

А. МАРЬЯМОВ

◇ ◇ ◇

Скрипки прославили Кремону, маленький городок в Северной Италии, неподалеку от французской границы.

В Кремоне жили поколения мастеров, делавших скрипки. В семьях Амати, Страдивари, Гварнери это искусство передавалось от отца к сыну. Скрипки этих мастеров чудесны. Последние мастера Кремоны умерли двести лет назад, но до сих пор еще нет никого, кто сравнялся бы с мастерством великих кремонцев.

Кремонские скрипки разбирали на части, измеряли всякий изгиб, изучали составы лака, пытались узнать, что за секрет заставляет так петь кусок дерева да четыре воловьи жилы.

Но секрета не находили. Мастера отдавали всю свою жизнь скрипкам, некоторые инструменты они делали по нескольку лет, и всякий мечтал о том, чтобы передать свое умение кому-нибудь, потому что трудно настоящему мастеру затаить свое искусство в себе и знать, что никто не продолжит его работу.

Был такой мастер Леман. Он жил в Ленинграде. Город этот назывался тогда Петербургом, а в Зимнем дворце еще жил царь. Леман изучал кремонцев, сам делал скрипки и писал царю прошения: просил, чтобы ему разрешили открыть такую школу, где он мог бы учить ребят своему искусству — делать скрипки. Царь написал на прошении Лемана, что все это глупости и что никакой такой школы не нужно. Леман умер двадцать пять лет назад. Он был одинокий человек и хороший мастер. Он завидовал Страдивари: у того было одиннадцать собственных детей,— это и была его школа...

Георгий Николаевич Андреев был хорошим скрипачом. Однажды ему попалась скрипка работы Джузеппе Гварнери. Андреев провел смычком, и ему показалось, что комната, в которой он стоял, вдруг стала больше, и будто в ней засверкали стены. Андреев бросил смычок. Он не поверил, что такая сила может быть заключена в обыкновенной скрипке. Он разобрал инструмент, увидел звонкое и сухое дерево, красоту четких, выточенных изгибов, мягкий и нежный лак, умный расчет настоящего мастера. Ничего больше. Андреев бросил игру. Он стал делать скрипки. И его мечтой тоже стало — сравняться в этом искусстве с Гварнери и Страдивари, найти их секрет. А когда Андреев стал настоящим хорошим мастером, у него, как и у остальных, появилось горячее желание создать свою школу.

Он был моложе Лемана и ему повезло: он работал не в царской России, а в Советской стране, в сталинскую эпоху. К Андрееву пришло одиннадцать ребят — дети рабочих «Трехгорки». Им дали комнату в Доме культуры имени Павлика Морозова, ту, в которой занимался и авиамодельный кружок.

Под сводчатым потолком этой высокой комнаты закругляется огромное окно. С потолка спускаются тросы, и на них реют целые эскадрильи самолетов — красных, зеленых и голубых, раскинувших широкие крылья.

Ребята назвались кружком имени Страдивари и стали учиться точности, терпеливости, аккуратности, необходимым в этом большом мастерстве.

Косте Жарову, тринадцатилетнему пионеру, сыну работницы Трехгорной мануфактуры, легче, чем всем остальным, дались эти три качества.

Как и все,—как Андреев когда-то,— он решил сделать скрипку точь-в-точь такую, как одна из скрипок великого Страдивари.

Костя достал шаблон старинной скрипки. Все было выточено совершенно точно. Каждое углубление на деке совпадало до сотых частей миллиметра с работой Страдивари. И вот скрипка была готова.

Андреев взял ее у Кости и провел смычком по струнам. Звук был чистый, ясный, но не было в нем ни силы, ни мягкости, свойственных хорошим скрипкам. Одна любовь! Любили те мастера свое дело, душа в них была большая, оттого и скрипка у них поет...

Это Костя понял, сделав свою одиннадцатую скрипку.

Тогда ему захотелось сделать двенадцатую так хорошо, чтобы ее с удовольствием взял лучший артист и сыграл симфонию, в которой прозвучал бы гимн искусству древнего мастера, у которого учился Костя, и мужеству пионера, отдавшего свою жизнь за любимую родину,— этому пионеру Костя хотел подражать. Это должна была быть симфония про Страдивари, и про Павлика Морозова, и про весну, которая зацвела для миллионов ребят. Всю любовь Костя вложил в эту скрипку.

Он любил ее так, как можно любить только самого дорогого человека.

И Костя Жаров стал мечтать о том, чтобы эта скрипка, если она ему удастся, была подарена тому человеку, которого он любит больше всех на свете,— тому, кто привел его к этой весне, кому обязательно будет посвящена та лучшая из симфоний, которую обязательно сыграют когда-нибудь на костиной скрипке.

Когда деки были готовы, Костя провел по ним наканифоленный смычком. Они звучали! «До» — запела нижняя дека. «Ля» — запела верхняя. Лучшее черное дерево Костя нашел для грифа. Вот уж была покрыта лаком и эта скрипка. Андреев взял ее в руки и провел смычком.

Звук не был ни глухим, ни визгливым. Чистый, глубокий, сильный, он плыл по комнате. Андреев заиграл «Элегию» композитора Массне. Старый мастер ходил со скрипкой — высокий, прямой, в синем халате. Он играл, и звук костиной скрипки был и его счастьем, его молодостью, потому что он нашел свою школу, своих учеников, и его жизнь не пропала впустую, как у многих других, которые работали до него. Андреев бросил «Элегию» и заиграл марш летчиков. Воздух в комнате дрогнул — и эскадрилья моделей словно пошла в полет.

Костина мечта исполнилась.

Московские школьники пошли в Кремлевский дворец приветствовать с'езд комсомола. Ребята стояли в кругу лучших молодых ученых, лучших летчиков, трактористов, поэтов, водителей поездов чудесной страны. Школьники протянули в президиум скрипку Кости Жарова,— подарок **Сталину**.

Передавая скрипку, они читали стихи:

Товарищ Сталин, мудрый
и бесстрашный,
Товарищ Сталин, рулевой весны!
Вручаем Вам, как песню,
детство наше.
Мы родине и партии верны!

Весело живется ребятам нашей страны! Вот они идут по бульвару в школу. Кругом весна! Юннат интересуется жизнью своих подшефных уток. Юные физкультурники Северной Осетии вышли на утреннюю зарядку. А октябрята, забравшись на деревянных коней, изображают «конницу-буденницу».

(Снимки СОЮЗФОТО)

8.000 КИЛОМЕТРОВ К ВОСТОКУ...

Рассказ о том, как познакомились пионеры Клина с пионерами Якутии

Лучше узнать жизнь Севера и народов, населяющих его,— решили пионеры 1-й образцовой школы города Клина (Московская область). 1-е звено 1-го отряда пожелало познакомиться с жизнью Якутии и послало якутским пионерам письмо.

От Клина до Якутска — больше восьми тысяч километров. Взгляните на карту и вы увидите, что Якутск лежит далеко к северу от железной дороги, идущей через всю Сибирь к Тихому океану. Не так-то просто добраться до Якутска, особенно зимой.

И вдруг приходит письмо из самой Московской области! Ребята пишут:

«Пионеры нашей родины решили: будем знать Север. Наше звено взялось изучить Якутию. Вот мы и просим вас, ребята, помочь нам в этом. Напишите о жизни вашего народа, расскажите нам о себе.

Мы тоже много интересного сможем рассказать вам. Давайте, ребята, завяжем дружбу.

Пионеры: Карпович, Мотылькова, Бобров, Самохвалов, Емельянов».

* * *

Пионеры Якутии написали ответное письмо:

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Мы получили ваше письмо. Его переслала нам редакция газеты «Молодой большевик». Письмо прочитали по звеньям и от радости мы долго хлопали в ладоши, а некоторые даже заплясали.

Теперь напишем немного о себе. Мы учимся в Якутской национальной образцовой школе. Она находится за рекой Леной, в 30 километрах от города Якутска.

У нас всего 4 класса, 110 учащихся. Из них — 50 пионеров и 29 октябрят. Все пионеры—в одном отряде имени Ворошилова.

Мы все — якуты. В школе нас учат на якутском языке, а русскому языку нас обучают со 2-го класса.

Мы состоим в различных кружках: хоровом, шахматном, рукодельном, музыкальном, военном, художественном, литературном. Всеми этими кружками руководят наши учителя.

У нас есть свои чемпионы и мастера. По шахматам, например,— Никанор Соловьев, по стрельбе в цель — Дулов. Наши лучшие музыканты — Тамара Самсонова, Параскева Терентьева, Варя Ларионова. Хорошо танцуют Таня Васильева, Тамара Слепцова. Есть свои художники — Маня Еремеева, Надя Окошнишникова.

У нас — пять звеньев. На сборах мы читаем журналы и газеты, учимся музыке, танцуем, играем в шашки, шахматы, готовимся к отрядным сборам.

За хорошую работу наш отряд занесен на республиканскую красную доску, а лучшие ребята премированы. Мы этим гордимся.

Мы — счастливые дети!

Пусть «Пионерская правда» передаст нашему любимому вождю товарищу СТАЛИНУ благодарность за нашу счастливую жизнь.

Пишите, ребята!

Пионеры: Маня Федулова, Силина, Гаврильев, Терентьева, Дулов, Федорова Аня, Соловьев, Ларионов».

Завязалась и индивидуальная переписка.

Марк Дулов написал письмо пионеру Карпович. Вот оно:

«Мои родители раньше работали у богачей и жили очень бедно. А теперь живем очень хорошо. Папа учится в школе малограмотных. Я тоже учусь. Зимой хожу в школу на лыжах. Я по школе — первый лыжник. 3 километра пробегаю по дорожке в 13 минут.

Летом бываю на сенокосе. Имею 60 трудодней. За лето поймал 42 крысы и 50 бурундуков. Они ведь портят хлеб. Этих зверьков я бью самострелом и ловлю со своей собакой.

Учусь я в 4-м классе. Имею 5 «отлично» и 4 «хорошо».

Научился играть в шахматы. Очень хорошо попадаю в цель мячом. Я хорошо знаю челюскинцев по журналам и рассказам учителей.

Хочу быть летчиком и военным командиром.

Хочу увидеть Москву. Буду еще лучше учиться и тогда поеду в Москву и увижу любимого Сталина.

Посылаю тебе в подарок свой рисунок.

Пиши, дорогой пионер Карпович, и я буду писать.

Пионерский салют!

МАРК ДУЛОВ.

Хантагайская школа».

* * *

Есть в Якутии город Верхоянск. Известен он тем, что многие революционеры отбывали в нем царскую ссылку. А еще известен этот город тем, что находится в самом холодном месте земного шара. Про него так и говорят: полюс холода.

Прочитали верхоянские пионеры письмо клинских ребят и решили послать им ответ:

«ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Мы пишем вам с далекого полюса холода. Мы все — якуты, по-русски говорим плохо. В нашем 6-м классе всего 10 человек: шесть мальчиков и четыре девочки.

Климат у нас очень холодный. Морозы доходят до 60 градусов. Часто бывает северное сияние. Летом ночей почти не бывает. Солнце зайдет и опять взойдет.

Из животных есть волки, зайцы-беляки, бурые медведи, рыси, белки, дикие бараны. Растут лиственница, карликовая береза, или ярник. Много ягод: брусника, голубица, дикий виноград. Мы зовем его — охта.

Родители наши занимаются скотоводством. Хлеб у нас не сеют.

Письмо и вам, ребята, от нас идет очень долго. Но ничего. Мы ждем от вас писем.

Другин, Слепцов, Потапова, Алиносов, Колмогорова, Ефимова, Слепцова, Соловьев, Николаев, Забаровский.

Город Верхоянск,
школа имени Ногина».

* * *

Переписка только начинается. Но тысячекилометровые расстояния, на различия в языке не мешают советским ребятам—детям великой социалистической родины — крепить между собой нерушимую пионерскую дружбу.

Я РАССКАЖУ ПРО НАШУ СЕМЬЮ

Вот я расскажу про нашу семью. Нас восемь человек: папа, мама и мы, шестеро ребят. Живем хорошо. Папа и мама работают. Мы, трое старших, ходим в школу, а двое младших — в детский сад. Самую маленькую сестренку каждый день отводим в детские ясли.

В фашистской Германии, наверное, такая большая семья рабочего умерла бы с голоду. А мы живем и радуемся. Теперь учимся в школе, а подрастем — будем дальше учиться, чтобы стать хорошими рабочими, врачами, инженерами, командирами Красной Армии.

Мой отец — бывший красногвардеец, и он всегда нам говорит:

— Пусть враги попробуют пойти на нашу дорогую родину,—мы тогда все, как один, по первому зову партии и правительства встанем на ее защиту.

А мы тоже пойдем за взрослыми. Везде, где сможем быть полезными, будем помогать им отстаивать нашу любимую родину.

КУЗЯ ШЕЛКОВ.

Северный край,
город Грязовец,
неполная средняя школа.

ИВАН НЕХОДА

ЧУДЕСНЫЙ МАЙ

Киев наш — цветущая столица!
Плеск днепровской голубой воды.
Мы идем сегодня веселиться
В наши парки, скверы и сады.

Мы взберемся с песнями на кручи.
Здравствуй, май — чудесная пора!
Бабочки порхают, и пахучий
Ветерок летит из-за Днепра.

Взмахи весел—только вьются брызги.
Птиц неумолкающая трель.
Самолеты пролетают низко,
Быстрая кружится карусель.

А оркестры звонкие такие!
Шире круг! И мы выходим в пляс.
Это пляшет пионерский Киев,
Нежно смотрит взрослые на нас.

Это — наша бодрость и здоровье,
Нашей теплой радости полет.
К нам придет родной Павло Петрович,
Наш товарищ Постышев придет.

Вместе с нами он пройдет по парку.
Парк листвой весенней одет.
Из больших цветов на клумбе яркой
Сделан замечательный портрет.

И сердца у нас забьются часто.
Подойдем к портрету. Это — он!
Это — солнце, это — наше счастье,
Это — Сталин здесь изображен.

А вокруг — просторы Приднепровья,
Пенье птиц и парохода бас.
Улыбнется нам Павло Петрович:
— Это завоевано для вас.

Все для вас—дворцы, театры, скверы,
Реки, звезды и чудесный май.
Вырастайте, наши пионеры,
Сталинская смена, вырастай!

С украинского перевел
Я. ХЕЛЕМСКИЙ.

НА ДНЕПРЕ.

Фотоэтюд СТРОНЬКО

ЗАЦВЕТЕТ ФРУКТОВЫЙ САД...

Вокруг нашей школы дымятся шахты, совсем недалеко пересекаются пыльные дороги. Во время перемен нам негде было отдохнуть, подышать свежим воздухом. Шутя, мы нашу школу называли «домик в Сахаре».

Теперь не то. Вместе с нашим преподавателем биологии *Трофимом Демьяновичем Барабаш* закупили 400 корнеьев деревьев, начали их посадку. Засеяли высокие клумбы семенами цветов. Расчистили площадки.

Скоро вокруг нашей школы зазеленеют клумбы, зацветет большой фруктовый сад.

Деткор *ТИМА ГУЖЕНКО.*

Донбасс,
станция Ханжонково,
полная средняя школа.

В ГОРАХ АЛТАЯ

Риддер очень богат ископаемыми. Здесь добываются золото, свинец, цинк. До Октябрьской революции здесь властвовал английский капиталист Уркварт.

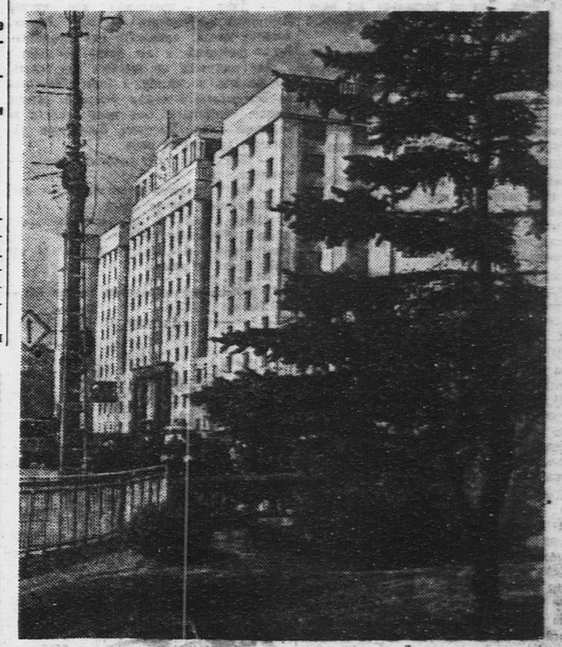
Как только началась гражданская война, Уркварт затопил шахты, разрушил все и уехал за границу.

Сейчас в Риддере дымят заводские трубы, в печах плавится поблескивающая, с лиловатым оттенком, руда. На реке Ульбе строится электро-гидростанция.

При Уркварте рабочие жили в лачугах, а сейчас они живут в светлых, чистых домах. Появилось много школ, в них учатся сотни счастливых ребят рабочих Риддера.

Деткор *ДЕМЬЯН ПОЛЯКОВ.*

Казахстан,
Риддеровская неполная средняя школа № 1.



НОВЫЙ ДОМ В ОХОТНОМ.

Фото Л. ВЕЛИКЖАНИНА (Совфото)

...ВЕРЮ, ЧТО МЫ ПОБЕДИМ!

Пионеры Парижа на демонстрации.

ИХ ОТВЕТ

В одной из школ Рейхенберга (Чехословакия) учительница спросила ребят, какие они знают героические дела. Ученик — сын рабочего — ответил: «Спасение челюскинцев».

Учительница осталась недовольна ответом. «Пожертвовали бы лучше деньги, брошенные на спасение нескольких человек, бедным детям», — сердито сказала она.

Этот разговор опубликовала «Роте киндерфане», орган детей чехословацких рабочих. Газета задала ребятам вопрос: «Что бы вы ответили учительнице?»

Вот несколько ответов, которые на свой вопрос получила редакция «Роте киндерфане».

Лида Гомолька написала:

«Учительница, наверное, не знала, что была спасена маленькая Карина, когда говорила, что деньги нужно отдать бедным детям. Учительница ругала Советский Союз, потому, что она — фашистка.

Зато все в Германии, по ее мнению, прекрасно. Почему же тогда Геринг не захотел пожертвовать деньги, на которые была устроена его свадьба, бедным детям?»

Эрна Бобек лаконично ответила:

«Во-первых, в Советском Союзе нет больше бедных детей. Во-вторых, если бы наши рабочие заставили капиталистов отдать свои миллионы, у нас тоже не стало бы бедных ребят».

13-летняя **Мария Глязер** добавляет:

«Для Советского Союза спасение челюскинцев было делом чести».

Вальтер Бауман пишет:

«Советские люди показали, что они не забывают самоотверженных исследователей новых земель, а спасают их. Этим Советский Союз показал всему миру, что советский народ — лучший в мире».

Ганс Вундерлих предлагает:

«Отобрав деньги у богачей, рабочие в Советском Союзе получили возможность хорошо кормить детей. В Советском Союзе не знают голода ни маленькие, ни большие. Рабочему государству дорога жизнь каждого ребенка. Мы мучаемся от голода, а в элеваторах гниет масса зерна. Поэтому мы должны помочь нашим рабочим добиться такой же жизни, как в свободной Советской стране».

Г. ФРИДРИХ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

В пограничном польском городке готовилась первомайская демонстрация. Шпики донесли об этом полиции. Им не удалось только узнать, в каком месте она произойдет. Поэтому 1 мая в городе были расставлены усиленные патрули, которым власти приказали быть на-чеку. На улицах было много рабочих, но они держались маленькими группками.

Постепенно эти группы скапливались недалеко от центральной площади. Это происходило так незаметно, что не вызывало никаких подозрений у полиции. На самой площади не было никого. К концу дня успокоенные патрули удалились...

Тогда из темного пол'езда вынырнули два человека. Один из них посмотрел на часы: «Пора».

Он вынимает из кармана свисток и прикладывает ко рту. Раздается резкий свист. Площадь сразу наполняется людьми. Они выбегают со всех сторон: из дворов, кафе, соседнего парка. Большинство из них — молодые рабочие и работницы.

Они строятся по-четверо в ряд. Стоящий впереди вынимает из кармана красное полотнище, другой вытаскивает из-под полы древко, — во главе колонны развевается красное знамя. Такие же знамена появляются и в других рядах. На красном фоне четко выделяются белые буквы: «Свободу политзаключенным!»

В рабочем квартале на демонстрантов нападает полиция.

Вдали рычит автомобильная сирена. Рабочие знают — прибыл новый отряд полиции. Один из рабочих торопливо свертывает знамя и передает маленькому худому подростку.

— Спрячь и беги как можно быстрее. Смотри, чтобы тебя не увидели.

*

И вот перед фашистским судом стоит рабочий. Его обвиняют в том, что он — член коммунистической партии Польши. Рядом с ним — худой, бледный мальчик. Это его сын Янек.

Короткий разговор во время столкновения демонстрантов с полицией не прошел незамеченным. Янеку удалось вынести знамя, но полицейский запомнил его лицо. Теперь его судят вместе с отцом. Отец Янека держится мужественно и стойко. Янек старается походить на него.

— Я — коммунист и верю, что мы победим, — гордо бросает он обозленному судье.

На мусорной свалке в Нью-Йорке. (СОЮЗФОТО)

После короткого перерыва зачитывается обвинительный акт:

«...Коммунист Н. приговорен за коммунистическую пропаганду к восьми годам каторги... Четырнадцатилетний обвиняемый Янек следует за отцом...»

В зале суда ропот удивления: «Такой маленький — и на каторгу?»

— Мальчишка настолько испорчен, что ему уже не поможет исправительный дом, — об'ясняет публике судья.

Суд закончен. На руки отца надевают кандалы, и «преступники» под конвоем покидают зал суда. Но все равно — никакая каторга, никакие пытки, будь они самыми жестокими, не смогут сломить их волю к борьбе.

МЕКСИКАНСКИЙ ПИКЕТЧИК

Мой отец родился в маленьком мексиканском городке. Совсем молодым он уехал в Нью-Йорк. Там он несколько лет работал поваром в большом отеле [1]) мистера Нордштрома.

Мы жили в чердачном помещении небоскреба на 5-й авеню в сырой и холодной каморке. Заработка отца нам еле хватало на хлеб. Мать хворала. Но семья себе отказывала во всем, лишь бы я получил образование. Меня определили в школу. Я много и хорошо занимался и окончил ее с медалью.

Наконец-то я мог поступить на работу! Но, увы, никто во мне не нуждался. У биржи труда стоял длинный хвост безработных. По счастью, мистер Нордштром выехал по делам в Мексику и взял меня на время своим лакеем.

Мои обязанности были весьма разнообразны. Я чистил платье и ботинки мистера Нордштрома. Писал под его диктовку и переводил его письма на испанский язык. Приехав в Мексику, хозяин снял номер в самом дорогом отеле города.

На следующий день все служащие отеля вдруг бросили работу и ушли. Я выглянул на улицу. Там толпились молодые рабочие, прохаживаясь по-двое и по-трое вдоль тротуара. По обеим сторонам под'езда, над окнами и на крыше отеля развевались красные знамена. Это была забастовка...

К вечеру забастовщики принесли длинную деревянную скамейку и поставили перед отелем. Женщины тут же жарили для них каштаны. Было холодно, и жаровни горели до утра. Стачечные пикеты дежурили всю ночь, и все это время к отелю не могли под'ехать грузовики со свежими припасами.

Но большой отель не может долго оставаться без пищи. Он уже наутро походил на осажденный город, а на третий день все запасы, что были в кладовых отеля, иссякли.

— Джон, — предложил мне мистер Нордштром, — помогите сеньору Лопецу, хозяину отеля: принесите ему провизию. Вы — приезжий, и вас никто не знает.

Мне чертовски не хотелось это делать. Но, сказать по правде, я боялся очутиться без работы в чужом городе и, скрепя сердце, согласился. Они меня послали за корзиной яиц. Миссис Нордштром наблюдала за мной из окна.

— Вот идет наш храбрый Джон, — говорила она.

— Вы настоящий джентльмен, — восхищался мной сеньор Лопец.

«Джентльмен!» Я прекрасно знал, кем я был. Штрейкбрехер [2]) — вот это слово. Оно сверлило мой мозг и заставляло мои щеки гореть от стыда.

— Больше не пойду, — предупредил я, вернувшись.

— Джон, вы обязаны принести мясо! — крикнул на меня мистер Нордштром.

И я пошел... Когда я торопливо пересекал площадь, держа в руках сверток с мясом, из толпы забастовщиков выделился один.

— Вот он, предатель, помогающий нашим врагам. Бейте его! — закричал он и толкнул меня. Брошенный кем-то камень ударил меня по голове, другой рабочий руку.

Сеньор Лопец загнал меня на лестницу. Я не мог от боли открыть глаза.

— Позовите полицию! — закричала миссис Нордштром, увидев, как они меня разделали.

— Если вы только это сделаете, — ответил я, — я скажу, что это вы меня избили.

— Бедняга, они выбили парню последние мозги, — ядовито заметил мистер Нордштром.

— Нет, — возразил я, — наоборот, они вправили мне их, и я сейчас скажу им это.

Я так и сделал. Несмотря на сильную боль, я сбежал с лестницы и попросил забастовщиков простить меня. Сначала они смеялись. Но я рассказал им всю мою жизнь, как капиталисты мучили моего отца, меня...

Тогда один промыл мне глаз, другой накинул на плечи куртку. Чьи-то руки протянули мне флягу, наполненную прохладным напитком. «Пей!» — сказал кто-то заботливо. Это был вожак, тот самый, который первым бросился на меня. Я не мог его видеть, но узнал по голосу.

До конца забастовки я оставался с ними, был пикетчиком, распространял листовки. В конце-концов мы победили.

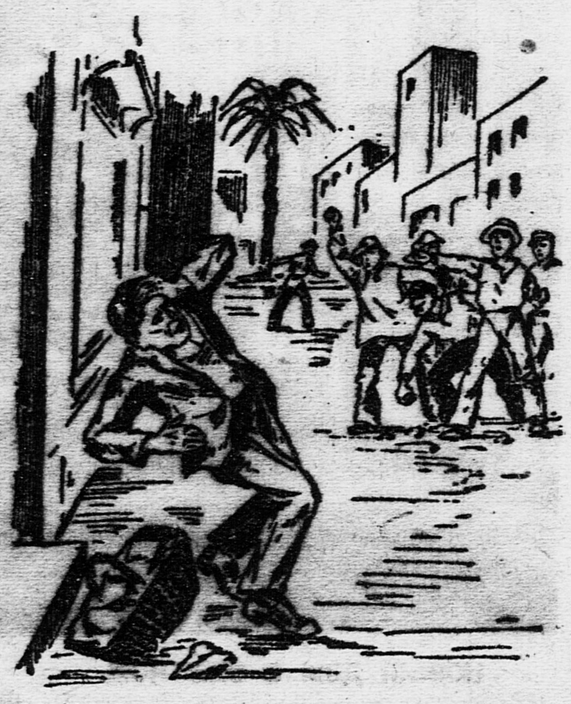
Они ко мне относились лучше, чем я того заслуживал. Подумайте только: они даже сказали, что я помог им выиграть забастовку.

(«Новый пионер»)

[1]) Отель — гостиница.

[2]) Буквально: ломающий забастовку — предатель.

Рисунок Н. СОКОЛОВА



Камень ударил меня по голове.

ЧТО С НАМИ БУДЕТ?

(Письмо дочери немецкого крестьянина)

Я уже пять месяцев, как окончила школу. Раньше я часто мечтала, что вот кончу учиться и буду работать по специальности. Теперь, когда эти мечты должны наконец осуществиться, я не могу найти себе применения. Устроиться на предприятие невозможно — и без меня много безработных, а для чернорабочего я недостаточно сильна.

И вот я должна сидеть на шее родителей, хотя им, бедным, и самим несладко. Отец без работы — с 1933 года, мама — с 1929-го.

По счастью, у нас осталась коза. Мы продаем ее молоко и из этих денег платим налоги. Конечно, сами мы лакомиться молоком не можем.

А наша еда! Один картофель. Картофель утром, днем и вечером. Даже вместо хлеба мы едим картофельные лепешки. У нас считается праздником выпить цикорного кофе с хлебом. Картофель мы едим иногда вволю, потому что мама засадила им две небольшие грядки. Но на-днях мы соберем последние остатки. Что тогда с нами будет?

Я не получаю никакого пособия, потому что для безработной молодежи я мала — мне только 15 лет, а детскую карточку у меня взяли, когда я кончила школу.

Мне стыдно сознаться, но мое самое сильное желание — это хорошо и вкусно поесть.

М. Ф.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Уйки

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ „БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ“

Повесть В. КАТАЕВА, из которой мы сегодня даем сокращенный отрывок, будет напечатана в № 4 журнала «Пионер» и выйдет отдельной книгой в Детиздате. Действие повести происходит в дни революции 1905 года в Одессе.

ПОЧТА работала плохо. Отец перестал получать из Москвы газету «Русские ведомости» и сидел по вечерам молчаливый, расстроенный, не зная, что делается на свете и как надо думать о событиях. Приготовительный класс распустили на неопределенное время. Петя целый день болтался без дела. За это время он успел проиграть Гаврику в долг столько, что страшно было подумать *).

...Ходить по улицам было опасно. Но все же Гаврик обязательно появлялся и, остановившись посредине двора, закладывал в рот два пальца. Раздавался великолепный свист. Петя торопливо кивал приятелю в окно и бежал через черный ход вниз.

— Получил ушки? — спрашивал Гаврик.

— Честное благородное слово — завтра непременно будут! Святой истинный крест!

— Имей в виду, последний раз.

В один прекрасный день Гаврик об'явил, что ждать больше не желает. Это значило, что отныне Петя, как несознательный должник, поступает к Гаврику в рабство до тех пор, пока полностью не расквитается.

— Теперь будешь со мной ходить, — сказал он и прибавил строго: — вынеси ранец.

— Зачем... ранец?

— Чудак человек, а ушки в чем носить?

И глаза Гаврика блеснули диким, веселым лукавством.

Петя сбегал домой и вынес ранец.

— Надень, — сказал Гаврик.

Петя послушно надел. Гаврик со всех сторон осмотрел маленького гимназиста в длинной до пят шинели, с пустым ранцем за спиной. Повидимому, он остался вполне доволен.

Затем Гаврик, повернув Петю спиной, нагрузил ранец тяжелыми мешочками ушек.

— Теперь мы всюду пройдем очень свободно, — сказал Гаврик, застегивая ранец, и с удовольствием хлопнул по его телячьей крышке.

С этого дня начались их странствия по городу, охваченному беспорядками. С утра до вечера мальчики шлялись по каким-то черным дворам, где у Гаврика были с тамошними мальчиками различные дела по части купли, продажи и мены ушек. В одних дворах он получал долги. В других играл. В третьих вел таинственные расчеты со взрослыми, которые к Петиному крайнему изумлению, повидимому, так же усердно занимались ушками, как и дети. Таща на спине тяжелый ранец, Петя покорно следовал за Гавриком повсюду.

Несколько раз они были на Малой Арнаутской улице, в старом греческом доме с внутренним двором и фонтаном в виде пирамиды ноздреватых морских камней. Гаврик оставлял Петю во дворе, а сам бегал куда-то вниз, в полуподвал, откуда приносил множество мешочков с необыкновенно тяжелыми ушками. Он быстро набивал ими Петин ранец, и они быстро убегали из этого тихого двора, окруженного старинными покосившимися галлереями.

НО ВОТ однажды настал конец этой восхитительной, но жуткой бродячей жизни. В этот памятный день Гаврик пришел раньше обыкновенного, мальчики тотчас отправились в город.

В этот день мальчики два раза заходили на Малую Арнаутскую улицу. В первый раз, «забрав товар», как выразился Гаврик, они отправились на Александровский проспект, оцепленный войсками. Их без особого труда пропустили через заставу. Пройдя несколько домов, Гаврик втащил Петю в какие-то ворота. Мальчики прошли через большой безличный двор, мимо казачьей коновязи, по пустым обоймам и винтовочным гильзам, вбитым солдатскими подошвами в тугую, промерзшую землю. Мальчики спустились в подвал и долго шли в сырой темноте мимо дровяных сараев, пока не вышли на другой двор. Из этого двора через узкую щель между двух высоких мрачных кирпичных стен можно было пробраться еще в один двор. Как видно, Гаврик хорошо знал здесь все ходы и выходы. Щель была такая узкая, что Петя, пробираясь за Гавриком, то-и-дело царапал ранец о стены. Наконец они выбрались на третий двор, узкий, высокий и темный, как цистерна. Судя по тому, как долго пришлось сюда пробираться и сколько сделали поворотов и зигзагов, — дом этого двора выходил на какую-то другую улицу. Весь двор был усеян битым стеклом и штукатуркой. Окна узкого четырехэтажного дома, окружавшего двор, были плотно закрыты ставнями. Казалось, что дом необитаем. Гулкая тишина стояла вокруг. Но за этой тишиной, по ту сторону дома, на незнакомой улице, не столько слышался, сколько угадывался тревожный шум какого-то движения. Кроме того, сверху, как будто бы с неба, изредка раздавались громкие выстрелы, наполняя двор колодезным шумом. Петя прижался ранцем к стене и, дрожа, зажмурился. Гаврик, не торопясь, вложил в рот два пальца и свистнул.

Где-то наверху стукнула ставня и раздался голос:

— Стой! Сейчас!

Через минуту, показавшуюся Пете часом, из дверей черного хода во двор выскочил красный, потный человек без пальто, в пиджаке, испачканном мелом. Петя увидел и ахнул. Это был Терентий.

— Давай, давай, давай! — бормотал он, не переводя духа, и, не обращая внимания на самого Петю, бросился к его ранцу: — Давай скорее! Спасибо, в самый раз! А то у нас ни чорта не осталось.

Он нетерпеливо растегнул ремешки ранца, переложил мешочки из ранца себе в карманы и бросился назад, успев крикнуть:

— Пущай Иосиф Карлович сейчас же еще присылает. Тащите, что есть. А то до вечера не продержимся.

— Ладно, — сказал Гаврик, — принесем.

Тут под самую крышу ударила пуля, и на мальчиков посыпалась известь. Они поспешили тем же путем назад на Малую Арнаутскую и взяли новую партию «товара». На этот раз ранец был так тяжел, что Петя его еле тащил. Теперь он уже, конечно, прекрасно понимал, какие это ушки. В другое время, весьма возможно, он бросил бы все и убежал домой. Но в этот день, охваченный до самого дна души страшным азартом опасности, гораздо более могущественным, чем азарт игры, мальчик ни за что не согласился оставить товарища одного. Мальчики уже подходили к знакомой заставе, как вдруг Гаврик схватил Петю за руку и быстро втащил в ближайшую подворотню.

— Стой!

— Что?

Не пуская Петиной руки, Гаврик осторожно выглянул и тотчас отвалился назад, прижавшись спиной к стене под черной доской с фамилиями жильцов...

— Слышь, Петька... Дальше не пойдем... Тама ходит тот самый чорт, который мне, помнишь, уши крутил... Смотри...

— Усатый, — прошептал Петя, становясь рядом с Гавриком, ранцем к стене: — который ловил матроса. Помнишь, я тебе говорил, а ты еще смеялся!

— Он меня знает, как облупленного, — сказал с досадой Гаврик: — ни за что не пройдем.

Гаврик сжал кулачок и стал со злостью грызть косточки пальцев.

— А они там сидят и дожидаются... У, дракон!

Злые слезы закипели на глазах Гаврика. Он сильно потянул носом, высморкался в землю и сердито посмотрел Пете в глаза.

— Сможешь один? Не сдрейфишь?

От волнения Петя не мог выговорить ни слова. Он глотнул и кивнул головой. Воровато озираясь по сторонам и выглядывая из ворот, Гаврик стал набивать петины карманы своими мешочками.

С неудобно раздутыми карманами, Петя, почти ничего не сознавая от страха и волнения, подошел к заставе.

— Куда лезешь, не видишь что ли? — закричал усатый, бросаясь к мальчику.

— Дяденька! — захныкал Петя привычным тоненьким голосом Гаврика: — Пожалуйста, пропустите, мы живем тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится, наверное, думает, что меня убили!

И совершенно натуральные слезы брызнули из его глаз. Усатый с отвращением посмотрел на маленькую жалкую фигурку приготовишки. Он взял Петю за ранец и, подведя к обочине мостовой, слегка поддал коленом.

— Жарь!

Петя побежал, не чувствуя под собой ног, к известному дому и спустился в знакомый подвал. Он долго шел ощупью в душном, но холодном мраке, дыша пыльным воздухом. Ужас охватывал его всякий раз, когда его глаз касалась паутина, казавшаяся крылом летучей мыши. Наконец он выбрался на второй двор. Здесь было совершенно пусто. В знакомой щели, ведущей из второго двора в третий, стояла такая нечеловеческая тишина, что хотелось изо всех сил кричать, не щадя голоса, отчаянно, страстно, исступленно, лишь бы только не слышать этой тишины. Такая тишина бывает лишь в промежутке между двумя выстрелами. Теперь надо было сунуть в рот пальцы и свистнуть. Но вдруг Петя сообразил, что не умеет свистеть в два пальца. Тогда мальчик собрал все свои душевные силы и, зажмурившись, крикнул:

— Э-э!

Голос прозвучал совсем слабо. Но гулкое эхо тотчас наполнило пустую цистерну двора.

Наверху приоткрылась ставня, и выглянуло незнакомое лицо.

— Чего кричишь? Принес? Беги сюда наверх! Живенько!

Едва Петя, тяжело дыша и даже высунув от напряжения язык, добрался до площадки четвертого этажа, как его сразу схватил за плечи человек в хорошем пальто с барашковым воротником, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Петя даже присел от страха. Но человек торопливо спросил:

— Принес?

И, не дожидаясь ответа, втащил мальчика в пустую кухню какой-то квартиры, в глубине которой, — Петя сразу это почувствовал, — делалось что-то громкое и страшное, чего обычно в квартире делаться не может. Человек бегло осмотрел Петю и сразу же, не говоря ни слова, полез в его оттопыренные карманы. Он торопливо стал вытаскивать из него грузные мешочки. Петя стоял перед ним, расставив руки.

— Все? — спросил он.

— Нет, еще в ранце.

— Молодец мальчик! — закричал человек. — Ай, спасибо! А еще гимназист!

И он в знак восторга крепко взялся закопченной, пахнувшей порохом рукой за козырек петиной фуражки и глубоко насунул ее мальчику на самые уши.

Но в этот миг в глубине квартиры что-то рухнуло. Рванулся воздух. С полки упала кастрюля. Человек в пальто мягким, кошачьим движением бросился в коридор, успев крикнуть:

— Стой здесь!

ЧЕРЕЗ раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью. Посредине стены, оклеенной обоями с коричневыми букетами, обвалился громадный кусок штукатурки, обнаживший решетку дранки. Несколько человек, припав к подоконникам высаженных окон,

Несколько человек, припав к подоконникам, часто стреляли вниз из револьверов.

часто стреляли вниз из револьверов. И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек с закрытыми глазами и желтым, равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом был совершенно неподвижен. Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это труп. Мальчик бросился назад. Он не помнил, как добежал до подворотни, где его ждал Гаврик.

— Ну как, отнес?

— Отнес.

Петя быстро, захлебываясь, рассказывал все, что видел в страшной квартире.

— Они все равно не удержатся... Будут уходить по крышам... — шептал Петя, тяжело дыша. — Там против них пушку ставят...

МАЛЬЧИКИ выскочили на улицу и побежали по городу. Теперь в нем безраздельно хозяйничали казаки. Всюду слышалось льющееся цоканье подков. Чубатые сотни донцов, спрятанные во дворах, стремительно выскакивали из ворот, лупя направо и налево нагайками.

*) Герой повести Петя увлечен уличной игрой в «ушки» — форменные металлические пуговицы.

(Редакция).

Составил САМСОН ГЛЯЗЕР.

ПЕРВОМАЙСКИЕ ЗАТЕИ

Рисунки Л. СМЕХОВА

Смотрите на щит, который несут ребята. При помощи этого щита отгадайте, какой лозунг здесь написан.

ИГРЫ

В первомайские дни во дворах, на площадках, стадионах ребята устраивают всякие праздники, соревнования и гулянья. Да и на демонстрациях во время стоянок можно провести немало занятных подвижных игр.

Мы сегодня расскажем о таких играх. К ним не нужно готовиться. Их можно провести сразу.

ПРИВЯЗНОЙ МЯЧ

Все знают игру в салки. Но салить просто рукой не так интересно. Возьмите волейбольный мяч. Привяжите к шнуровке мяча веревку в метр длиной. Салка, гоняясь за остальными ребятами, участвующими в игре, может их осалить только мячом. Рукой салить нельзя. Это усложняет игру, зато ребятам очень весело.

„СЕКТОРБОЛ"

К этой игре нужно подготовить четыре тонких шеста, или удилища, и две бечевки длиной по 5 метров каждая. На бечевки нанизываются разноцветные флажки.

Концы бечевок прикрепляются к шестам, или удилищам, а в середине бечевки соединяются между собой.

Если натянуть бечевку, то образуется прямоугольник с 4 секторами. В каждом секторе помещается команда по 5 человек. Для игры нужен еще волейбольный мяч или надувная резиновая камера в цветной матерчатой оболочке.

В каждом секторе мяч можно подбрасывать не более трех раз. Играющие, находящиеся в секторах, не должны допускать, чтобы мяч упал на землю в пределах сектора. Если мяч упадет на землю или будет подброшен более трех раз, партия проигрывает одно очко. Отбивая мяч в другой сектор, игроки следят за тем, чтобы он не вылетел за пределы этого сектора, в противном случае опять партия проигрывает очко. Сначала одна партия, проигравшая 15 очков, освобождает свой сектор, затем другая, и так далее. Победителем считается последняя пятерка.

„ЕЖИК"

Все ребята прыгают и танцуют вокруг водящего. В ногах у водящего «ежик». «Ежик» — это обыкновенный футбольный мяч, которым водящий старается «уколоть» (задеть) прыгающих вокруг него ребят. Если «ежик» заденет играющего, тот становится водящим.

ШУТКИ

ХАРЬКОВ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Один турист, любивший приврать о своих замечательных приключениях и путешествиях, в разговоре со своими друзьями, увлекшись, сказал:

— Когда я был в Харькове, то чудесно искупался в Черном море.

— Позвольте, — воскликнули друзья, — ведь в Харькове нет Черного моря?

— Что вы говорите? — ответил «турист», нисколько не смутившись. — А я не знал и выкупался!

ШТУРМОВИК И ВЕТЕРИНАР

В одно село в Германии прискакал на коне штурмовик. Он был очень расстроен: его любимая собака заболела.

А поблизости жил только ветеринар-немец. Под'езжает штурмовик к домику ветеринара и спрашивает:

— Эй, вы, как вас? Это вы собачий доктор?

— Я, господин штурмовик, — ответил ветеринар. — А что у вас болит?

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Найдите, кто повесил плакат.

НАРОДНЫЕ ВЕСЕННИЕ ЗАГАДКИ

1. Золотое яблочко по серебряному блюдцу катится?
2. Весной веселит, летом холодит, осенью питает, зимой согревает?
3. Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застлала?
4. Дважды рождается, а умирает раз?
5. Поднялись ворота, всему миру красота?
6. Голубая рубашка весь мир одела?
7. Спрятался Егорка в красной ермолке. Как кто его завидит, так поклонится?
8. Сперва блеск, за блеском треск, за треском плеск?
9. Спереди — шильце, сзади — вильце, сверху — синенько суконце, снизу — бело полотенце?
10. Бело, как снег, черно, как жук, зелено, как лук. Вертится, как бес, повертка в лес?

ШАХМАТЫ

ЭТЮД Н. Д. ГРИГОРЬЕВА

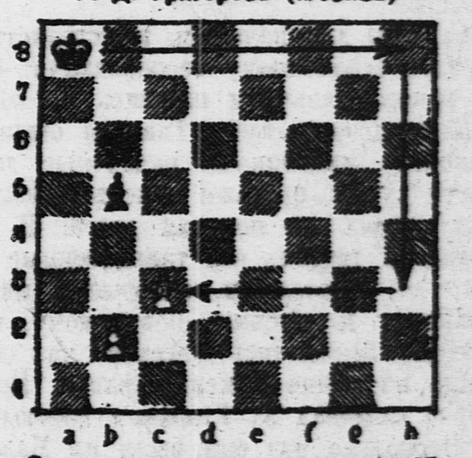
Жестокое сражение на шахматной доске окончилось... Все фигуры обеих сторон погибли в бою. «В живых» остались лишь король и пешки. Наступает финал борьбы.

Многие считают пешечные концы малоинтересными. Кажется, какие здесь могут быть комбинации? Но это мнение неверно.

Советский композитор Н. Д. Григорьев прославился своими задачами, построенными на «пешечных концах».

Вот один из его этюдов:

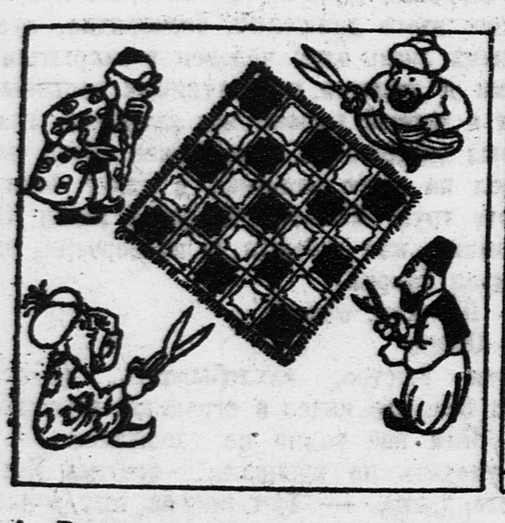
Н. Д. Григорьев (Москва)



Белые начинают и выигрывают.

Для облегчения решения этого этюда стрелками на диаграмме указан путь белого короля, который он должен проделать для того, чтобы добиться победы.

ГАЛЛЕРЕЯ ГОЛОВОЛОМОК



1. Разрежьте ковер на четыре части так, чтобы получилось два других, квадратных по форме и сходных по рисунку.

2. Как можно разрезать почтовую открытку, чтобы получилось кольцо, через которое сможет пройти не только маленький, но и взрослый?

3. Как по-вашему — насколько палуба у парохода длиннее, чем у парусника?

4. К пузатому Пацюку галушки сами влетали в рот. Как посмотреть на этот рисунок, чтобы увидеть, как галушка сама влетает к нему в рот?

5. В каком порядке бежать по дорожкам нашей фигуры, чтобы собрать все 20 флажков и ни разу не возвратиться назад?

Отв. редактор А. СТРОЕВ.

Адрес редакции: Москва, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24 (5-й этаж).
Телефоны: отдела писем и информации — Д 3-08-00. ● Секретариата и школьного отдела — Д 3-15-29.

Уполномоченный Главлита В—40759 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 373.